

кова «богоборческим»,⁷ а в нем самом усматривает «титанический индивидуализм».⁸ В. Кожин говорит о Раскольникове, что «каждый свой шаг он меряет целым миром».⁹ Герой Достоевского действительно мыслит глобально, ибо обобщает и проецирует на всю человеческую историю собственные проблемы и идеи, но его однонаправленный, избирательный, стрелой рассекающий жизненное пространство взгляд движется по одной, всего лишь одной, хотя и очень существенной, силовой линии социального бытия, игнорируя и отсекая все другие его грани. Все в романе вращается вокруг преступления и породившей его теории. Все располагается между *да* и *нет*, *можно* и *нельзя*, между *pro* и *contra* относительно преступления. И если герой равен собственному слову о себе, то не надо забывать, что это слово о преступлении, и только о нем. Раскольников бесконечно «мучил себя и поддразнивал этими вопросами, даже с каким-то наслаждением»,¹⁰ сосредоточившись на них всецело и безвозвратно, не видя и не замечая ничего, что не укладывалось в его казуистику до убийства и в *идеологическую* борьбу с собственным отращиванием к содеянному и с оппонентами и двойниками после убийства. За дарованную герою свободу самовыражения автор лишил его широты обзора, жизненной полноты, лишил свободы выбора, зарядив на выполнение предписанной программы, превратив в мономана и едва ли не силой притащив на место преступления, которое по «совместительству» оказывается местом казни самого преступника.

Примечателен вывод Бахтина о характере одного из начальных размышлений Раскольникова: «Таков его диалог с самим собою на протяжении всего романа. Меняются, правда, вопросы, меняется тон, но структура остается той же».¹¹ Не только структура остается, сохраняется стиль, неизменной остается смысловая развилка, на которой герой застрял, а вопросы не столько меняются, сколько уточняются, варьируются, заостряются, время от времени переходя в утверждения. «Какое преступление?» — кричит он в ответ на слова Дуни об искуплении вины уже накануне явки с повинной и опять повторяет все те же свои аргументы про старуху, «которую убить сорок грехов простят», про то, что «хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости», про то — «почему лупить в людей бомбами, правильной осадой, более почтенная форма?», а у него, дескать, всего лишь форма «не та», «не так эстетически хороша» и, наконец, про то, что «просто из низости и бездарности» решается «на этот ненужный стыд» признания, потому что «первого шага не выдержал», потому что — «подлец» (6, 400). Как идеолог, как мыслитель Раскольников ничего не приобрел в ходе своего жуткого опыта, его мысль крутится вхолостую вокруг однажды сочиненной теории, и все те же слова, слагающиеся в однотипные конструкции, вращаются у него в мозгу и срываются с уст. Все его человеческое естество, его *натура* — та самая, о которой Разумихин говорил, что ее социалисты в своих математических построениях социального благоденствия не берут в расчет, — корчится от невозможности переварить случившееся и жить дальше как ни в чем не бывало, а третирующего собственную натуру теоретика и идеолога заклинило

⁷ Гроссман Л. П. Творчество Достоевского // Гроссман Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1928. Т. 2. Вып. 2. С. 105.

⁸ Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1965. С. 357.

⁹ Кожин В. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 181.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 39. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

¹¹ Бахтин М. Указ. соч. С. 319.